

—Итак, борьба продолжается.

—Уже в понедельник мы с Полуэктовой составляли у нас дома текст нового плаката. Тамара Александровна сказала мне, что у них с Гавришем была договорённость - проигравший из них двоих призывает своих избирателей отдать голоса победившему, и что Гавриш ещё вчера вечером, когда стало ясно, что он выбывает, подтвердил своё согласие поступить так, как договаривались. Я счёл эту новость хорошей и сообщил о ней по телефону Кольцовой, бурная реакция которой повергла меня в оторопь:

—- Полуэктова? Вступила в альянс с Гавришем? С этим недоумком! Позор! Я так и знала, что она дура! Да от неё все порядочные люди теперь отвернутся.

—- Что Вы, Лена, неужели всерьёз думаете, что за Гавриша одни непорядочные голосовали?

—- Нечего Полуэктовой их голоса выпрашивать, она и так победит! И нечего перед Гавришем унижаться!

—- Да она и не выпрашивала, и не унижалась, Гавриш сам предложил.

—- Она должна была отказаться!

—- Ну, Лена, Вы не политик. Так нельзя.

—- Пусть я не политик, но я против, чтобы Полуэктова об Гавриша маралась.

—Так я её и не смог успокоить, осталась в оскорблённых чувствах. Вопрос, правда, сам собой исчерпался, потому что Гавриш никого голосовать за Полуэктову не призывал, во всяком случае публично. Указали ему, наверное.

—Непосредственно перед повторными выборами мне пришлось смотаться в ИЗМИРАН на Учёный Совет. На нём, между прочим, проходило выдвижение (повторное) кандидатов от Академии Наук. Не отставая от других московских академических институтов ИЗМИРАН выдвинул больше десятка известных фигур демократического толка во главе с Сахаровым и Сагдеевым.

—28 июля 1989 г., Мурманск, ПГИ

—А я в этот раз добрался, наконец, до Золотарёва, съездил к нему в Голицино, раздавил с ним бутылку коньяка, специально взятую с собой, к удовольствию писателя, да и собственному.

—Писатель оказался невысоким, коротко стриженным, спортивно-плотным живоглазым человеком, похожим чем-то Альперовича - моего соседа по палате в психбольнице на 5-й линии (63-й год).

—Виктор и Анна Золотарёвы из "Гражданского достоинства" - его дети. "Светлые ребята", как он выразился. Гребут деньги лопатой в кооперативе "Факт" и тратят их на борьбу за демократию.

—Жена у него - хороший, добрый, родной человек. Но принеси он завтра домой Нобелевскую премию, она только и скажет:

—- Положи её на полку и садись ужинать. Да не забудь руки помыть.

—Поэтому у него ещё есть Надя в Протвино.

—Мои сочинения он прочёл и советует всерьёз заняться их переработкой в художественные произведения - способности, мол, у меня для этого есть.

—Вот, собственно, и весь сухой остаток нашего довольно долгого разговора. Свои три тетрадки я у него забрал. Но тащить ли их домой?

—Во-первых, тяжесть - килограмма полтора, не меньше, а то и два, мне же с моей спиной каждые полкило лишних уже заметны.

—Во-вторых, что их дома держать, там же есть ещё экземпляр. Уж если они доехали до Москвы, то пусть тут и остаются. Но у кого оставить? У Бирюковых? Далеко ехать.

—Съезжу-ка я лучше в "Перспективу", про которую Слава Ляцкий рассказывал, и

откуда Таня Титова приезжала, посмотрю, что это такое, да, может быть, там и оставлю свои опусы, уж коли это центр обмена информацией.

— Так я и сделал.

— Позвонил Игрунову, договорился о встрече. Представившись Вячком, Игрунов отказался назвать отчество:

— - Такой уж я неформальный молодой человек.

— Он оказался, действительно, молодым, но всё же за тридцать, а то и за тридцать пять, человеком, довольно приятным, с интеллигентными манерами при неформальной внешности. Его непрерывно допекали трое детей, приехавших к нему из Одессы, старшей - лет 13-15.

— Я просидел за чаем часа три у него в самом дальнем закутке "Перспективы" квазикухонного вида, рассказывая про перипетии выборной кампании в Калининграде, а на прощание оставил ему свои талмуды, которые он охотно взял. Таня Титова к вечеру появилась и попросила разрешения почитать мои записки, каковое разрешение ей и было дадено.

— - Кто хочет, пусть читает, только чтобы не потерялись: жалко всё-таки. Я ведь именно на хранение оставляю, чтобы не таскать туда-сюда.

— "На обмен" я взял в "Перспективе" последние номера "Хронографа", дээсовского "Свободного слова", Экспресс-хроники, заплатив, впрочем, за это добро что-то около десятки.

— Возвращаясь в Калининград самолётом, я уснул под конец полёта, а, проснувшись, почувал запах горелой резины. Посадка уже состоялась, но самолёт почему-то остановился очень далеко от здания аэропорта. Более того, выглянув в иллюминатор, я с изумлением обнаружил, что самолёт вообще стоит не на бетоне, а в чистом поле на траве, и по этой траве, переваливаясь, движется трап, а за ним подъезжают пожарные, скорая, "Икарусы" сюда едут...

— Но в салоне спокойно. Стюардесса объявляет:

— - Граждане пассажиры! Поторопитесь, пожалуйста, к выходу.

— Это вместо обычного: не спешите, ждите, когда вас пригласят.

— Ладно. Вылезаем и ахаем: самолёт выехал за полосу передним шасси и зарылся им в мягкий асфальт, уложенный на небольшом участке за бетоном полосы, колёса на полметра почти в землю углубились. Вот это да! А я такую посадку проспал.

— И в этот же день Сашуля с Митей и Мишей вернулись из Ленинграда, куда они ездили на Митины каникулы. Как раз к повторному голосованию явились мы с Сашулей.

— И Полуэктова победила!

— Не зря старались. Полуэктова набрала 57%, Матюнин - 39%.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)